

МИХАИЛ ГУНДАРИН

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН И ВЛАДИМИР МАКАНИН: В ТИСКАХ ВЕЛИКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

1

Валентин Распутин и Владимир Маканин родились в одном году (и как-ком – 1937!), с разницей в 2 дня. Оба – далеко на востоке от Москвы. Ещё десять лет назад, когда оба классика были живы, Павел Басинский заметил на этот счёт: *“Распутин и Маканин – дети немислимых исторических и географических пространств, от которых дух захватывает! Ведь Урал и Сибирь – два величайших географических региона в евроазиатской части мира. Война, которую пережили эти “дети 1937 года”, была величайшей войной в мировой истории. Русская революция, которая определила судьбы этих “детей” через их “отцов”, была, разумеется, главным политическим событием XX века”*. “Дети 1937 года” – это название книги Владимира Бондаренко, в которой он объединил не только наших героев, но и много кого. Добавлю – Революция затронула всех будущих писателей не столько лично, сколько всем строем жизни, коренным образом изменившимся незадолго – по историческим меркам – до их рождения. Но было то, с чем дети 1937-го, как и предшествующих, и последующих лет, столкнулись непосредственно, с чем пришлось иметь им дело всю жизнь. Это прямое следствие Революции, порождённая ею Великая Модернизация.

Собственно, сегодня именно в модернизации часто находят оправдание, смысл и 1917 года, и последующего террора. Поговорка про Сталина: “Принял с плугом – передал с атомной бомбой” – тоже об этом.

В России пишем “модернизация” – читаем “переведение всего и вся на западный образец”. Это вполне закономерно. Именно Запад есть изобретатель и владелец “эталоны модерна” как комплексного социополитического понятия. Потому что модернизация – это не частичное “осовременивание” экономических и управленческих механизмов. Модернизация есть приведение общества к стандартам универсального западного Модерна. Юрген Хабермас, знаменитый теоретик Модерна, находящий его истоки аж в поздней Античности, пишет про *“функциональные законы экономики и государства, техники и науки, которые как бы соединились в единую, не поддающуюся никакому влиянию систему”*. Под знаком победившей рациональности. Эта система

и есть Запад. Поэтому, повторю: в любой незападной стране модернизация равна вестернизации. То есть насильственной попытке поместить традиционное содержание в отлитые где-то далеко формы и с жёстким удалением всего лишнего. Политическая риторика тут ни при чём, все социалистические годы власть имущие, проклиная Запад, у Запада учились, перед Западом преклонялись и ужасно комплексовали, что у нас так не выходит.

Когда в конце 80-х советские модернизаторы сдали власть последователям, страна была решительно неспособна продолжить свой путь, насильственно прерванный за 70 лет до этого (в отличие от “стран народной демократии”, которые стряхнули 40-летний морок — и только). “Своё” благополучно истребили. Насколько удалось насадить чужое?

Ответ ясен всякому: насильственная модернизация могла породить только гибридные нежизнеспособные формы в части социальных институтов, культуры, не говоря уже об экономике. Всё это мы видим в нашей стране и сегодня. Что-то по сравнению с 80-ми годами прошлого века даже стало гармоничнее — когда перестало притворяться чем-то иным, нежели является в действительности: например, социальные отношения, построенные на откровенно прагматичной основе. Что-то остаётся гибридным и уродливым, например, массовая культура, не дающая шанса культуре национальной. Но это тема отдельного разговора.

“Мы воспитали поколения людей, которые не восприимчивы к культурно-историческому наследию, догматически не только мыслят, но и чувствуют, с начисто отмершим органом, который позволял бы отделить временное от вечного”, — писал Валентин Распутин в 1988 году. Так что да, кое в чём модернизация удалась.

И Распутин, и Маканин, как и все их современники, оказались в тисках насильственных модернизационных процессов. Разумеется, было в творчестве писателей много и другого. Но рефлексия по поводу этих процессов, определяющих долговременную повестку советской жизни, была во многом содержательной основой их прозы. И уж тем более — публицистики. Мне показался интересным тот факт, что в модернизационных процессах советского времени Распутин и Маканин оказались как будто по разные стороны баррикад. Но эта разница мнимая. В той большой игре выигравших быть просто не могло.

2

С Распутиным, кажется, всё понятнее: “Прощание с Матёрой” навсегда останется голосом протеста против насильственных модернизационных преобразований. И в самом деле, в вестернизованном СССР русской деревне просто не было места. Нет его в Германии, Штатах, Великобритании? Не должно быть и в Советском Союзе.

При этом дело было отнюдь не в технологиях, не в тех же ГЭС, что тогда поняли немногие, а многие записали писателя в “новые луддиты”. Уже в 1999 году Распутин напишет, что в своё время *“выступал не против строительства гидроэлектростанций, как тогда представляли”,* а против ненадлежащего отношения к человеку, проявившегося, в частности, при проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию гидроэлектростанций на Ангаре. Что значит гидростанция сама по себе — сложный интересный технический механизм. А вот неодошвлённая ГЭС вместо деревни как символ модернизации — это и правда страшно.

И потому характерными кажутся слова того же Павла Басинского, сказанные 30 лет назад: *“Распутин — это эхо протопопы Аввакума и — шире — всей раскольничьей традиции”.* Аввакум — несомненный контрмодернизационный символ, духовный вождь сопротивления Модерну (таким было старообрядчество на протяжении всей своей истории).

В публицистике Распутина образ “Запада” есть, как мне представляется, символ Модерна. Не только ГЭС не были виноваты в его глазах, но и “антинародная”, как было объявлено на рубеже 90-х, советская власть (её краху Распутин никогда не радовался). В конце концов, советские модернизационные усилия, прикрытые идеологическим флёром, были ничем в сравнении с либеральным прозападническим террором конца века.

Именно в 90-х накал публицистики Распутина вырастает многократно. Он последовательно выступает против краеугольных камней Модерна. Таких как

политическая свобода: “Если натасканные к нам свободы убивают жизнь и их не представляется возможным обуздать, на кой нам нужны эти свободы!” И таких, как свобода высказываний: “Выключить беснующийся телевизор, не раскрывать развратные газеты; не внимать злонамеренным речам. Без зрителей, читателей и последователей они всё равно не останутся, но пусть обходятся без нас”. Прямо-таки “Великий Отказ”, по терминологии знаменитого критика Модерна Герберта Маркузе. Ну и, разумеется, особую ненависть вызывает у него модернистский универсализм: “Издавательство над народными обычаями, и осквернение святынь, и чужие фасоны ума и одежды, и вывески, объявления на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным ширпотребом самого низкого пошиба, и оголтелая (вот уж к месту слово!) порнография, и чужие нравы, чужие манеры, чужие подметки — всё чужое, будто ничего у нас своего не было”.

Интересно сопоставить эти утверждения с теми, что Хабермас приписывает консервативным критикам модерна. Якобы, по их мнению, модерн является “великим соблазнителем, который выдвигает на первый план принцип беспрепятственной самореализации, требование аутентичного самопознания, субъективизм чрезмерно возбуждённой чувствительности, — и тем самым высвобождает гедонистические мотивы, несовместимые с профессиональной дисциплиной и вообще с моральными основами целерационального образа жизни”. Как видим, совпадение базовых оснований очень велико.

Доходит до того, что Распутин призывает, по сути, к сегрегации жителей страны на принявших и не принявших новые порядки, новый строй жизни: выделяется население — та часть народа, которая приняла “чужую и срамную” жизнь — “денационализированное (то есть современное. — М. Г.) общество”. И собственно народ — “. . . коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, вращённые нации при рождении”.

О народе западные теоретики Модерна думали и думают, конечно, менее всего — эта категория для них попросту не существует. Поэтому в интеллектуальном смысле русский писатель просто “навязывает бой” оппонентам на своей территории. Но, боюсь, его просто не услышали, а если и услышали, так отнесли к понятной консервативной категории.

3

Маканин, кажется, был по другую от Распутина сторону модернизации — с теми, кто занимался НТР, то есть модернизацию в техническом плане двигал вперёд. Наконец, с теми, кто просто жил в городах (а города — это нормально, по логике модернизаторов, их надо оставить, усовершенствовать). Однако это был не капитанский мостик, но места гребцов на каторжных галерах. Маканин, как мне представляется, понял, к чему всё идёт, достаточно рано. Такая горькая вещь как “Безотцовщина” уже показывает бессилие даже рядовых представителей власти (милиции) и, шире, сообщества горожан существенно повлиять на что-нибудь. Для них происходящее обернулось тотальным разрушением микросоциальной ткани, одиночеством и разочарованием. Много говорилось в своё время о символичности названия этой повести. Символично оно и в нашем смысле — у героев нет нормальных семей, нет дома, потому что всё сметено не столько внешними (война), сколько внутренними непрекращающимися модернизационными проектами. Вспомним монолог детдомовского воспитателя, обращённый к героям, тогда ещё детям. Скромный педагог подан в образе некоего громовещателя, изрекающего последние истины в соответствующем антураже: “Вы дети Будущего. — Тут глаза его начинали блестеть, а за окном блистали молнии. Павел Ильич прохаживался, ожидая, пока все усядутся, пока перестанут елозить и ёрзать на детских своих худеньких задках. — Вы ведь знаете, в обществе Будущего не будет отцов и матерей. Не будет неравенства, денег не будет. Вот вы и есть первые дети Будущего. Разум — ваш отец, и отечество — мать ваша единственная. Вы не должны чувствовать себя отщепенцами, а наоборот”. Получилось страшновато — и как бы ни был велик соблазн списать такое малоприятное будущее именно на советский утопизм, прорицание очевидное больше универсально. Тотальная рациональность — это целиком и полностью по части Модерна, а местечковый утопизм, если он тут и есть, не более чем частный случай.

“Один и одна” – это вообще маканинский “Пожар”, реквием своему поколению рядовых модернизаторов, последнему, которое могло надеяться, что его усилия не пропадут даром.

В начале 90-х Маканин ещё мог несколько наивно удивляться, почему не стало лучше после падения советской власти: *“Не мыслитель и не писатель (традиционная российская фигура, палочка-выручалочка чуть ли ни во всех областях духа), не учёный и не практик-строитель, а скорый журналист, телекомментатор, оседлавший информационный процесс и толкующий его, как ему кажется, – вот чем мы живём”*. Потом и ему, как мне кажется, стало ясно, что разницы между этими агентами Модерна, может быть, никогда и не было.

Не поэтому ли так горько звучал “Андеграунд”, главная вещь 90-х, горше прежних вещей. Вспомним описание “последнего парада” рядовых модернизации, живо напоминающих сборище отвратительных “йехху”: *“...старики ролились возле дверей, настырные, как слепни. Бойцы до упора. Постарели, но пришли. Едва к ним войдя, я слотнул эту давнюю липкую горечь нашего тщеславия... Лыдые. Беззубые. Больные. Вот они все. Когда-то это была (как выразился господин Ловяников) армия литераторов, и значит, сейчас я воочию видел то, что осталось после похода: инвалидов, калек, оборванцев, жалкий сброд, остатки великого ополчения”*. Неважно, что здесь идёт речь о литераторах – точно такое же впечатление производили бы и инженеры.

Притом, что самые известные повести Маканина советского периода – это истории выламывающихся, уходящих, сбегающих из этих рядов: наступившее будущее уравнило всех. “Герой нашего времени” – солдат разбитой армии, в прошлом тот, кто проектировал ГЭС, кто разрабатывал проекты универсализации жизни, пытался улучшить жизнь на своём малом участке по заимствованным рецептам. Теперь ему и сказать нечего, некого обвинить в своём поражении. А оно было неизбежно.

Дело даже не в том, что рядовые интеллектуалы были в роли тех, чьими руками разрушались традиционные структуры и ставились гибридные уродливые конструкции. Оказалось, что интеллектуалам было отказано в праве на рефлексию по этому поводу. Хабермас говорит об “уязвимости” интеллектуалов в Модерне, именно потому, что они пытаются подвергнуть происходящее проверке. А это совершенно не нужно. Парадокс в том, что Модерн, эта длящаяся и длящаяся Эпоха Рациональности, построенной на Разуме, отнюдь не благосклонен к тем, кто разум пытается использовать для критического анализа. Распутин с точки зрения современной логики был консерватором, Маканин – интеллектуалом. И те, и другие – враги Модерна.

* * *

И ещё одно, что роднит Распутина и Маканина. Это способность в своих книгах передавать самое главное, самое насущное. Истории современности “по Маканину” и “по Распутину” не противоречат друг другу, но дополняют одна другую, становясь важной составляющей истории всего народа.